

Региональные интеграционные процессы

Международные организации как катализатор интеграционного выбора государств постсоветского пространства в Европе

Я.В. Корэйба

Корэйба Якуб Войцехович – выпускник Института международных отношений Варшавского университета, аспирант кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО (У) МИД РФ; E-mail: korejba@mgimo.ru

В статье анализируется влияние ныне существующих и потенциальных международных организаций на выработку и осуществление политического курса стран постсоветского пространства в Европе. Формирование суверенной государственности Беларуси, Молдовы и Украины происходит в условиях динамично меняющейся обстановки не только внутри этих стран, но и в масштабе региона (Восточная Европа), континента и мира. Процессы глобализации и регионализации затрагивают все большее пространство и все сильнее влияют как на внешнюю, так и на внутреннюю политику новых независимых государств. В условиях глобализации ведущие страны мира предпринимают попытки освоения и структуризации происходящих процессов посредством создания интеграционных объединений, позволяющих эффективно реагировать на изменения современного мира. Регион, к которому принадлежат Беларусь, Украина и Молдова, находится в сложном геополитическом окружении, зажат между двумя интегрирующимися объединениями: расширенным Европейским союзом на западе и формирующимся Евразийским союзом, предлагаемым Россией, на востоке. Ввиду отсутствия реальной возможности объединения обеих структур для генерирования синергического эффекта общеевропейской интеграции, западные и восточные организации находятся друг с другом в состоянии конкурентных и альтернативных отношений. Соответственно, государства Восточной Европы подвергаются влиянию обеих группировок, что ставит перед ними стратегическую дилемму и вынуждает осуществить выбор направления интеграции.

Статья освещает структуру и динамику международного сотрудничества стран Восточной Европы, генезис, практику и перспективы политики постсоветских государств в Европе в отношении существующих международных организаций и инициатив, а также предлагает прогноз развития ситуации в регионе и ее влияния на глобальную и европейскую стабильность.

Ключевые слова: постсоветское пространство, Восточная Европа, Европейский союз, НАТО, внешняя политика России, отношения Россия – ЕС, СНГ, ЕврАзЭС, Таможенный союз Беларуси, Казахстана и России, Евразийский союз.

Key words: Post-Soviet Space, Eastern Europe, European Union, NATO, Russia's foreign policy, Russia – EU relations, CIS, EurAsEC, Customs Union of Belarus, Kazakhstan and Russia, Eurasian Union.

Окончание «холодной войны» и распад биполярной системы изменили судьбы не только Европы, но и всего мира. Они дали мощный толчок процессу глобализации. Либерализация движения капиталов, быстрое развитие информационных технологий и распространение принципов рыночной экономики резко усилили взаимную зависимость различных стран и регионов мира. Национальные экономики стран постсоветского пространства, с формирующимся суверенитетом и развивающимися рынками, влились в мировую экономическую и политическую систему [2, с. 108].

На современном этапе страны постсоветского пространства в Европе все еще находятся в стадии формирования собственной государственности и поиска идентичности в международной системе. Несмотря на то что с момента формального приобретения суверенитета прошло уже два десятилетия, ряд внешних и внутренних факторов замедляет создание реально обоснованных фундаментов независимого существования на политической сцене современной Европы.

Формирование государственности в глобальном мире

Беларусь, Украина и Молдова приобрели суверенитет в момент, когда система международных отношений в целом и ее европейская часть в особенности все в большей степени подвергались процессам интеграции и регионализации. Известный российский специалист по постсоветскому региону А. Мальгин обращает внимание на то, что возникшие на территории бывшего Советского Союза государства изначально столкнулись с объективной необходимостью поиска своей идентичности. Республики бывшего СССР стояли перед выбором – начать процесс формирования нового международно-политического региона либо включиться в тот или иной уже существующий посредством участия в созданных прежде международных организациях. Вторая возможность была полноценно использована прибалтийскими странами. По мнению А. Мальгина, для государств СНГ, в частности для Беларуси, Украины и Молдовы, в среднесрочной перспективе такая возможность маловероятна [17, с. 69].

С точки зрения системы международных отношений в современной Европе Беларусь, Украина и Молдова являются срединными государствами, столкнувшимися с проблемами конца биполярности, свойственной эпохе «холодной войны», не имеющими четких ответов на проблемы современности, которые дают системы НАТО/ЕС, с одной стороны, и постсоветская Россия – с другой. Странам необходимо выработать свой курс в отношении трех основных движущих сил европейской политики: отношений с Западом (НАТО, ЕС, США), отношений с Россией и результатов развития отношений между Россией и Западом [27].

Таким образом, формирование собственной государственности в постсоветских странах происходит в неблагоприятной для укрепления национального государства обстановке, что вынуждает их жертвовать собственным суверенитетом в пользу международных структур. Тем самым интеграция в рамках международных организаций становится для бывших советских республик осознанной необходимостью.

Страны, долго находящиеся в позиции объекта, а не субъекта европейской политики, по-разному реагируют на попытки включения в организационные рамки ее главных треков. Поиски собственной идентичности неизбежно усиливают институциональную дифференциацию между странами восточного пограничья Европы. Это, в частности, выражается в использовании разных моделей реформирования экономики, в различных темпах преобразований и разной степени государственного интервенционизма и т.д. [6], что в свою очередь определяет разнообразие их политики в отношении возможной принадлежности к международным структурам.

Институционализация постсоветскими странами национализма и приобретение им ведущей роли в формировании общественных объединений не приветствуются в среде прогрессивных представителей главных субъектов европейской политики. Стремление постсоветских республик к укреплению собственной государственности, подчеркиванию абсолютного характера суверенитета и эксклюзивных прав нации в государстве идет вразрез с основными тенденциями европейской политики. Новые независимые государства формируют свою национальную политику в среде, в которой преобладает постнациональный подход, тогда как главную роль в европейских делах все в большей степени играют субъекты наднационального (международные организации, интеграционные объединения, военные союзы, неформальные форумы) и субнационального уровня (неправительственные организации, трансграничные корпорации, индивиды). Становится все более очевидно, что для решения проблем, стоящих перед народами Европы в XXI в., недостаточно привычных для национального государства механизмов внутривнутриполитического регулирования, равно как и простого взаимодействия между государственными субъектами на поле внешней политики.

В XXI в. основной движущей силой мировой политики является глобализация. Нарастает процесс устранения барьеров, которые традиционно отделяли внутреннюю жизнь стран и народов от событий на международной арене. «Сегодня политика, оборона, экономика, культура, наука, миграция населения, состояние окружающей среды все меньше зависят от чисто национальных решений. Независимо от усилий отдельных стран отгородиться от процессов глобализации, сделать это невозможно по объективным причинам» [31, с. 691]. Глобализация – «это процесс трансформации пространственной организации мира, сопровождающийся возникновением новых структур активности и власти», – отмечает О. Буторина [3, с. 13].

С тенденциями глобализации мировой экономики непосредственно связаны интересы России. Однако российские стратеги обращают особое внимание на тот факт, что наряду с дополнительными возможностями социально-экономического прогресса, расширения человеческих контактов, глобализация порождает и новые опасности, особенно для экономически слабых государств. Натиск глобализации испытывает на себе культурная самобытность подавляющего большинства стран и народов [13].

Императив интеграции как ответ на вызовы современности

Для сохранения конкурентоспособности отдельных экономик и позиции континента в целом в международных делах многонациональная, густонаселенная Европа, ограниченная в территориях и сырьевых ресурсах, нуждается в объединении. Травматичный опыт первой половины XX в. показал, что континенту нужна такая система международных отношений, которая перенесла бы на межгосударственный уровень уже укоренившиеся во многих странах правила демократии и принципы разделения власти, свойственные правовому государству. После окончания «холодной войны» и завершения раздела континента «настало время ограничить национальный суверенитет и сознательно делегировать его часть наднациональным органам» [3, с. 27].

Для эффективного решения проблем современности необходимы новые механизмы и новые структуры, уполномоченные внедрять их в жизнь и следить за соблюдением установленных всеми участниками правил. На данном этапе развития Европа находится в процессе выработки институциональных рамок, наиболее подходящих для решения проблем в условиях резко усиливающегося влияния процессов глобализации.

В то же время падение коммунистических режимов в странах Восточной Европы открыло путь к распространению влияния западноевропейских стран и созданных ими организаций на восточноевропейские государства. Освоение «восточноевропейского ресурса» интеграционными структурами Запада должно было укрепить конкурентоспособность Европейского союза (ЕС) и Североатлантического альянса (НАТО) по отношению к другим центрам силы в современном мире. Успех «политики освоения» зависел и зависит от согласованности усилий европейских стран и позитивной реакции адресатов интеграционных стремлений [1, с. 392]. Как подчеркивает А. Богатуров, после падения коммунизма в странах Центральной и Восточной Европы важно было создать условия, при которых наиболее развитые страны Запада могли получить доступ к интеллектуальным, человеческим, энергосырьевым, пространственным и другим ресурсам бывших «закрытых» стран. Нужно было преодолеть их изолированность посредством включения в мировые хозяйственные и политические процессы [1, с. 424].

Сторонники межправительственного подхода теории интеграции полагают, что готовность государства вступить в региональное объединение возникает вследствие изменения расстановки сил на международной арене. Риск ослабления своих позиций побуждает государства действовать так, чтобы любыми способами предотвратить возможные геополитические потери. В рамках созданных на основе согласия всех участников международных организаций национальные государства добровольно сотрудничают между собой по вопросам, представляющим общий интерес [22].

Новые объединения и старые ограничения

С точки зрения постсоветских стран, определяющим фактором в Европе является то, что поиск наднациональных институциональных рамок развития осуществляется в обстановке ярко выраженных геополитических противоречий. Интеграционные процессы в Европе и их институциональное выражение формируются в условиях незавершенного после окончания «холодной войны» раздела континента. В силу инертности европейской политики интеграция происходит в рамках не общеевропейских организаций и институтов, а блоковых объединений, отношения которых друг с другом носят альтернативный и конкурентный характер.

С точки зрения основных геополитических (и геоэкономических) данных, позиции европейских стран постсоветского пространства схожи, поэтому потенциально они должны иметь сходную внешнеполитическую ориентацию в отношении главных треков европейской политики и касающихся данного региона инициатив, предпринимаемых сопредельными игроками. Согласно теории З. Бжезинского, эти страны являются частью евразийской «периферии», потенциальной границей «атлантистской Европы» [32]. По мнению С. Хантингтона, линия раздела между католическо-протестантской и православной цивилизациями проходит по территории Беларуси и Украины, хотя Хантингтон считает, что их преимущественно православные традиции, по всей видимости, помешают их успешной интеграции в западные институты. В соответствии с противоположной точкой зрения А. Дугина, главного теоретика ныне процветающей российской школы геополитики, эти территории, к которым относятся Беларусь, центральная часть Украины, Молдова, Румыния, Сербия и Болгария, имеют противоречивый геополитический характер — географически они принадлежат к южной части Центральной Европы, а в культурном и конфессиональном отношении — к России — Евразии [9].

Для формирующих свою стратегическую идентичность и место в современной Европе стран бывшего СССР определяющим фактором развития является то обстоятельство, что региональная интеграция — один из важнейших инструментов управления глобальными процессами. Освоение качественно новых явлений международной жизни путем участия в международных структурах позволяет максимально использовать преимущества глобализации и сокращать ее отрицательное воздействие. Интеграционные объединения все более влияют на мировое развитие, в том числе на постсоветском пространстве, они способствуют нахождению нового баланса сил в регионе и мире на основе учета интересов широкого круга стран и негосударственных субъектов мировой политики. «Современные интеграционные процессы происходят на всех континентах, являясь составной частью всемирной глобализации с ее достижениями и проблемами» [31, с. 691–692].

С точки зрения создания структурной базы для укрепления позиции Европы в мировой политике в перспективе XXI в., 1990-е и 2000-е годы можно считать периодом грандиозного упущения, которое все в большей степени становится катализатором релятивной деградации Европы в целом и отдельных европейских стран в международных делах. В процессе трансформации европейской политики в тот период был упущен шанс создания единого интеграционного центра для всех стран современной Европы. В результате в начале второго десятилетия XXI в. существует несколько альтернативных объединений, которые претендуют на одни и те же географические пространства и на одни и те же сферы наднационального взаимодействия. Самое отчетливое разделение проходит в Восточной Европе по «линии Хантингтона» и, тем самым, объективно ставит Беларусь, Украину и Молдову перед необходимостью решения геополитически мотивированной интеграционной дилеммы. Эти государства, независимо от логики внутреннего развития и собственных стремлений, должны сделать выбор: с кем и в каких организационных рамках идти в XXI в. И на этот вопрос они отвечают по-разному.

Структуризация международных отношений в Европе — достижения и пределы интеграции

Как подчеркивает А. Мальгин, европейская подсистема — это наиболее институционализированная подсистема современных международных отношений.

По его мнению, международные отношения в Европе начиная с рубежа 1980–1990-х годов можно рассматривать как соотношение трех институционально-политических измерений: общеевропейского (представленного СБСЕ/ОБСЕ), западноевропейского (ЕС) и евроатлантического (НАТО). На взгляд А. Мальгина, «автономность» отдельных стран в Европе постоянно снижается. «Политику того или иного государства в европейской подсистеме сейчас можно рассматривать с точки зрения соотношения с тем или иным треком, соответствия ее динамике доминирующего трека и, как следствие, ее адекватности или неадекватности состоянию европейского политического контекста» [17, с. 43].

С одной стороны, постсоветские страны в Европе находятся под усиливающимся влиянием всех этих треков, с другой стороны — с самого начала суверенного существования являются объектом интеграционной политики России и адресатом очередных интеграционных проектов на пространстве бывшего СССР.

Эволюция международных отношений в начале XXI в. и укрепление позиции России после «смуты» 1990-х годов потребовали от архитекторов внешней политики страны по-новому взглянуть на общую ситуацию вокруг нее, переосмыслить приоритеты внешнеполитической деятельности с учетом смены роли страны в международных делах, эволюции позиции соседей по постсоветскому пространству, повышения ответственности России за происходящее в мире и открывшихся в связи с этим возможностей участия не только в реализации международной повестки дня и в институциональных рамках сотрудничества, но и в их формировании. Как подчеркивают авторы концепции внешней политики России, в международной обстановке наряду с позитивной тенденцией – укреплением позиций страны на международной арене – проявились и негативные тенденции, которые необходимо учитывать при проведении внешнеполитического курса России по конкретным направлениям [13].

Рассмотрение динамики европейской политики в исторической перспективе вынуждает признать, что на рубеже столетий западная цивилизация столкнулась с экзистенциальным вызовом – угрозой утраты глобального лидерства на фоне усиления других регионов и наций. В этом контексте Россия, богатая ресурсами, обладающая огромной территорией и одним из двух крупнейших ядерных потенциалов, является важным элементом европейской экономики и системы безопасности, а также во все большей степени интеграционной альтернативой для погруженного в структурный кризис Запада. Устойчивость и развитие европейской системы настоятельно требуют сделать Россию наравне с Западом бенефициаром преимуществ, которыми тот пользуется благодаря своему привилегированному положению контролера мировых ресурсных потоков [15].

Понятие «региональная интеграция» тесно связано с понятиями «интернационализация» и «глобализация». Все они означают усиление взаимосвязей между отдельными странами и обществами в самых разных сферах: экономической, политической, военной, культурной. Данные понятия также предполагают совершенствование коммуникаций, в частности развитие транспортной сети и электронных систем связи, многократный рост обмена товарами, услугами и технологиями, активную миграцию населения и т.д. [3, с. 12].

Для постсоветских стран глобализация – явление новое, чего нельзя сказать об интеграции и взаимозависимости, хотя их интеграция была преимущественно политической по происхождению и разрушительной по последствиям, особенно для отношений со странами более широкого международного экономического спектра [29].

В контексте европейской интеграции политика России характеризуется стремлением закрепить свое лидерство на постсоветском пространстве, поддерживая традиционные связи, которые сложились на пространстве бывшего СССР, стимулируя формирование на этой основе новых экономических и политических объединений в составе стран, оставшихся вне сферы евроинтеграционных процессов [14].

В рамках распределения обязанностей между тремя треками европейской политики Европейский союз занимается экономическими проблемами, но в целом игнорирует их значение для безопасности постсоветских стран. НАТО занимается проблемами безопасности, но, не отрицая экономический фактор, уделяет ему мало внимания. Правительства отдельных стран – США, Германии, Великобритании и Франции, которые теоретически вполне могли бы объединить оба аспекта, этого не делают или по крайней мере не делали в течение большей части первого десятилетия после развала Советского Союза [16].

Россия и ЕС – основные интеграционные центры современной Европы

Как отмечает Д. Рогозин, «будущее России без Европы незавидно. Будущее Европы без России ужасно». В такой Европе не будет стабильности, надежного достатка и возможности реализовать ценности цивилизации. Следовательно, по мнению Д. Рогозина, Запад должен воспринимать Россию как неотъемлемую часть Европы, а Россия – признать преимущества союза с европейскими нациями [21, с. 407].

Однако, замечает Д. Тренин, проблема, которая сейчас стоит перед Россией в отношениях с Западом, заключается в том, что недемократический по западным параметрам политический строй, существующий в нынешней России, в условиях XXI в. рассматривается ее партнерами как не совсем легитимный. В свою очередь «международные интересы не полностью легитимного режима также являются не вполне легитимными» [25], поэтому интеграционные инициативы России на постсоветском пространстве часто интерпретируются как попытка навязать свое доминирование слабым странам в отличие от «естественного» и легитимного лидирования Запада, продвигаемого с помощью созданных им международных структур.

Стратегия внешней политики России однозначно определила Евросоюз как приоритетного партнера России в Европе с точки зрения не только экономических отношений, но и построения системы безопасности [17, с. 53]. Развитие политических и военных контактов, а также практического сотрудничества в сфере безопасности считалось возможным противовесом натоцентризму в Европе [17, с. 54]. При этом, как замечает А. Мальгин, в Стратегии подчеркивалось, что в обозримом будущем Россия не стремится ни к участию в ЕС, ни даже к ассоциации. Это объясняется, с одной стороны, объективным потенциалом страны, а с другой – геополитической выгодой внеблокового существования.

В контексте сотрудничества, предполагающего по объективным причинам также взаимодействие с общими соседями, Россия и ЕС выработали «дорожные карты» для продвижения к четырем общим пространствам. Главным из них является общее экономическое пространство, которое, согласно А. Мальгину, в случае его эвентуальной реализации, может означать де-факто ассоциацию России и ЕС. На его взгляд, это стало «своеобразным преодолением положения вышеупомянутой Стратегии об отсутствии стремления к ассоциации, показало амбивалентность взглядов российского политического класса на европейскую проблематику» [18, с. 625], что свидетельствует о растущем понимании российским руководством природы процесса европейской интеграции: его постепенном и неизбежном углублении и расширении, в том числе и на страны «ближнего зарубежья» – зону приоритетных интересов России.

С точки зрения западных аналитиков, для российской внешней политики в начале XXI в. скорее характерно стремление к статусу великой державы при сильном влиянии геополитических факторов, определяющих основную прагматическую стратегическую цель экономического развития, процветания и интеграции в международное сообщество [28]. С другой стороны, необходимо отметить тот факт, что с момента распада биполярной системы судьба Восточной Европы уже не зависит исключительно от великих держав и формирования ими сфер влияния.

Благодаря окончанию «холодной войны» постсоветские государства вовлечены в процесс интеграции в континентальном масштабе в качестве субъектов. Данный процесс рассматривается Западом в русле продолжения продвижения собственных ценностей и институтов на Восток. Соответственно, западные организации стремятся до-

вести процесс интеграции до логического завершения, подключив к нему государства постсоветского пространства, в том числе и Россию. С точки зрения Запада, логика развития интеграционного процесса в Европе требует, чтобы ЕС и Россия, во-первых, сотрудничали на двусторонней основе, а во-вторых – привлекли к проекту сотрудничества общих соседей, чтобы придать процессу интеграции широкий, а в перспективе и панъевропейский характер. Интеграция будет неполной до тех пор, пока существует «серая зона» стран, зажатых между Евросоюзом и Россией и не включенных в общий процесс [30]. Однако на данный момент между партнерами нет согласия в отношении общих правил и единых организационных рамок для общеевропейского интеграционного процесса. Проекты, предлагаемые Западом и Россией остающимся в «серой зоне» общего соседства странам, носят конкурентный характер и ставят данные государства перед жесткой альтернативой.

Интеграционные альтернативы постсоветских государств

Рассматривая радиус выбора политической ориентации постсоветских стран, нужно прежде всего идентифицировать границы эффективного действия политики западных организаций на востоке Европы. Для этого необходимо обратить внимание на проблему видения Европейским союзом роли и места России в масштабе региона и континента. Здесь проявляются глубинные политико-идеологические проблемы. А. Мальгин считает, что если ЕС будет воспринимать Россию как своего долгосрочного стратегического конкурента, то политика в отношении Украины, Беларуси и Молдовы будет «политикой поддержки в противовес влиянию Москвы». В случае, если Брюссель действительно готов согласиться с ролью России как стратегического партнера по самому широкому кругу вопросов, политика в отношении указанных государств приобретет иные очертания. Ее центральным элементом должно стать реальное многостороннее сотрудничество, направленное на параллельное удовлетворение интересов всех участвующих сторон. По мнению А.В. Мальгина, в руководстве ЕС и в ряде стран-участников присутствуют обе взаимоисключающие позиции, а соотношение их сторонников хрупкое. Подобная картина характерна также и для постсоветских стран, прежде всего для Украины [17, с. 70].

Рассматривая отношение стран постсоветского пространства к предлагаемым им с разных сторон интеграционным проектам, следует отметить, что нередко различные региональные и субрегиональные инициативы предпринимаются национальными политическими элитами как средство укрепления их власти внутри данной страны и противодействия реальному или мнимому влиянию государств, расположенных за пределами региона. В данном случае экономические мотивы имеют второстепенное значение. Политическая составляющая выполняет функцию укрепления доверия. Если не созданы предпосылки для политического доверия, трудно сформировать необходимые институты сотрудничества с международными организациями и обеспечить их успешное функционирование [4]. Наглядным примером данного явления является неэффективность и дисфункциональность процесса сотрудничества Украины и Молдовы с ЕС, а Беларуси с ЕврАзЭС и ТС.

Для определения интеграционных ориентиров постсоветских стран в Европе и разрешения дилеммы выбора направления сотрудничества ключевой является структурная разница между организациями, созданными Западом и Россией. Д. Тренин обращает внимание на то, что в отличие от «первой Европы» (ЕС) у потенциальной второй (СНГ) имеется естественный гегемон, поэтому интеграция здесь укладывается

в парадигму восстановления российского центра силы [24]. Именно поэтому постсоветские страны ищут возможности создания и укрепления состояния геополитического плюрализма в своем окружении с целью закрепления собственной позиции как необходимого балансира в отношениях между Россией и Европой, что, в свою очередь, усиливает конкурентный характер западных и российских организаций и исключает возможность реализации общеевропейских интеграционных проектов.

Ведущий эксперт Центра политической конъюнктуры П. Салин считает, что сейчас Европа переживает кризис интеграции. В ближайшие годы, а скорее даже в среднесрочной и долгосрочной перспективе ЕС не будет принимать новых членов. Поэтому Украина, Беларусь и Молдова постепенно переориентируются на сотрудничество в рамках постсоветского пространства и будут налаживать связи с Востоком. В данном случае Россия, если она действительно сможет предложить этим странам привлекательный проект по диалогу с Азиатско-Тихоокеанским регионом, имеет очень хороший шанс для реализации экономически эффективного и по-настоящему перспективного проекта евразийского сообщества [8].

Что касается восприятия интеграционных дилемм постсоветских государств и их включения в предлагаемые Россией интеграционные процессы, то А. Мальгин обращает внимание на то обстоятельство, что и в ретроспективе, и в рамках сегодняшнего политического дискурса в России можно наблюдать наличие широкого спектра точек зрения. Здесь автор отмечает и «младодемократические» стремления «избавиться от обузы» союзных республик, которые используют ресурсы России, и откровенно несбыточные имперские стремления. Предложение таким странам, как Беларусь и Украина, ориентированных на Россию схем институционального сотрудничества является выражением некоей срединной, уравновешенной и реалистичной линии. К ним можно отнести и «большой» СНГ, и более узкие форматы Единого экономического пространства, Таможенного союза и Союзного государства. Предлагая такие схемы, «Москва публично опирается на постсоветский многосторонний ресурс, так как, за исключением Союзного государства, везде предполагается более двух участников, но в их реализации рассчитывает преимущественно на собственные силы» [18, с. 645].

Реинтеграция постсоветского пространства: мотивы, реализация, перспективы

На фоне кризиса в ЕС принципиально новым для постсоветских стран представляется проект Евразийского союза, в котором пока в ограниченной форме Единого экономического пространства и Таможенного союза участвуют Россия, Беларусь и Казахстан, но который рассчитан на более широкие географические рамки и другой политический вес. Не лишенный геополитической основы, этот проект в большой мере опирается на взаимную заинтересованность всех сторон в усилении своих экономических позиций в условиях, с одной стороны, кризиса государств Запада и атрофии созданных ими международных организаций, и, с другой — динамичного развития восточных (в историко-культурном и цивилизационном, а не *stricte* географическом смысле) соседей постсоветских стран: Китая, Индии и Турции. Следует отметить его геополитическое значение для России, которая после двух десятилетий интеграционных поисков на практике приступила к реализации амбициозного проекта [10].

Кризис «старой» Европы и существенный спад динамики воздействия западных интеграционных институтов на постсоветские государства совпадают по времени с реализацией проектов, предлагаемых этим странам Россией.

В октябре 2011 г. главы правительств восьми стран – членов СНГ – России, Украины, Беларуси, Казахстана, Армении, Кыргызстана, Молдовы и Таджикистана – подписали Договор о зоне свободной торговли в рамках Содружества. Азербайджан, Узбекистан и Туркмения договор не подписали. По просьбе глав делегаций они будут изучать возможность присоединиться к договору. Инициатор углубления сотрудничества, премьер-министр России В.В. Путин, отметил, что создание свободной зоны «на пространстве Содружества ни в коем случае не противоречит нормам и правилам ВТО, тем более что подписавшие этот договор Киргизия, Армения и Молдова уже являются странами, присоединившимися к ВТО» [20].

С 1 января 2012 г. на постсоветском пространстве начала действовать новая интеграционная структура – Таможенный союз. Он объединяет Россию, Беларусь и Казахстан.

Созданная структура ставит задачу осуществления интеграционного выбора на текущую повестку дня европейских стран бывшего СССР. С этого момента странам постсоветского пространства предлагается либо начать новое общее движение, либо, наоборот, дистанцироваться от России, что означает неизбежность наступления определенных экономических последствий за совершенный выбор в виде повышения цен на энергоресурсы и отмены привилегированных условий ведения торговли.

Россия предлагает двигаться к Евразийскому союзу, идея создания которого когда-то была «вброшена» в сообщество СНГ как интеграционный вариант президентом Казахстана Н.А. Назарбаевым, а в 2011 г. сформулирована как объединяющая идея В.В. Путиным. С определенной точностью можно предположить, что в случае его победы на президентских выборах весной 2012 г., эта идея будет раскручиваться как по содержанию, так и по составу участников и станет основой российской политики в отношении постсоветского пространства.

Постсоветские страны Европы – объекты или участники интеграции?

Руководство постсоветских государств в Европе не может остаться в стороне от процесса интенсификации интеграционных инициатив, исходящих от России. Однако принятие окончательных решений всячески откладывается. На Украине опасаются, что реализация интеграции угрожает суверенитету страны, а Киев, если уж необходимо делегировать часть полномочий в наднациональную структуру, хотел бы это сделать в пользу ЕС. Аналогичная структура в ТС уже создана – это Евразийская экономическая комиссия (по типу Еврокомиссии). Но как эта коллегия будет работать и, что самое важное, каких добьется результатов, будет понятно только по итогам работы через какое-то время и вряд ли до президентских выборов в России. Это время и решили переждать, причем не только в Киеве, но и в других столицах СНГ [19].

В рамках предвыборной кампании, выражая позицию в отношении интеграционных процессов на постсоветском пространстве, В.В. Путин выступил с программным заявлением о необходимости перехода на следующий этап интеграции в рамках ЕврАзЭС, предполагающий заключение Евразийского экономического союза с последующим превращением его в «мощное объединение, одного из лидеров промышленного и технологического развития современного мира».

Нет сомнений, что целью созданных Россией интеграционных организаций является реинтеграция всех государств постсоветского пространства в организационных рамках, опробованных в настоящее время Россией, Беларусью и Казахстаном. Пред-

полагается, что будущий союз будет заключен участниками ЕврАзЭС на принципах Таможенного союза (свободное перемещение товаров и единые принципы технического регулирования), а также нормах Единого экономического пространства трех государств (свободное перемещение труда и капитала). «Именно на этой основе в дальнейшем должен быть подготовлен договор о Евразийском экономическом союзе — всеобъемлющий комплексный документ, охватывающий все направления нашего сотрудничества», — пояснил В.В. Путин, особо выделив те «сферы, где накоплен большой совместный опыт, например, таможенно-тарифное регулирование, и те, где мы только планируем разворачивать совместную работу, например, миграционная и визовая политика».

Таким образом, понятно, что интеграция в рамках предлагаемых Россией структур несет для европейских стран СНГ перспективу интеграции в широких рамках, охватывающих весь бывший СССР с соответствующей расстановкой сил и разделом ролей в будущем объединении.

Следует обратить внимание на то, что во время презентации проекта В.В. Путиным пристальное внимание наблюдателей было уделено позиции Украины. Формально Украина, не будучи членом ЕврАзЭС, не может претендовать на вступление в ТС. Несмотря на настойчивые приглашения, звучавшие с российской стороны, Украина до сих пор делала ставку на сближение с Евросоюзом. Подписать договор о свободной торговле с ЕС Украина готовилась до конца 2011 г., однако обвинительный приговор, вынесенный Ю. Тимошенко, был крайне негативно воспринят в Европе, что поставило соглашение под угрозу. В этой ситуации естественным движением Украины стал шаг в сторону более конструктивного восприятия возможности интеграции в рамках Таможенного союза [7].

В Молдове, проводившей неоднозначную политику в отношении предлагаемых Россией интеграционных объединений, правящий альянс «За европейскую интеграцию», как и руководство Украины, ведет соответствующий диалог с Евросоюзом. В ТС, или в будущем Евразийском союзе, Кишинев интересуется лишь единое экономическое пространство. Целью политики данного государства является получение льготного допуска на рынки стран СНГ, прежде всего России, при одновременном избегании любых встречных обязательств [19].

С. Зацепилов утверждает, что у государств, которые В.В. Путин предлагает рассматривать как первых кандидатов в члены Евразийского союза, примерно общие проблемы. Они сводятся к необходимости демократизации и модернизации экономики, потому что без этого трудно представить себе качественный союз, который может стать одним из интеграционных центров (а именно это предлагает В.В. Путин) мировой политики и экономики. Для эффективной и выгодной интеграции нужна демократизация и модернизация экономик [12].

Интеграция на постсоветском пространстве: между геополитическим детерминизмом и экономической выгодой

Оценивая возможности практической реализации интеграционных проектов на постсоветском пространстве, Д. Тренин подчеркивает, что отсутствие устоявшихся ценностей и дефицит конструктивной стратегии обрекают Москву на реактивное поведение в отношении главных треков европейской политики. Российское руководство гораздо лучше знает, чего оно не хочет — расширения НАТО, повторения «цветных революций» и т.д.,

чем то, что оно само хотело бы построить. В результате на таком важном направлении, как отношения с бывшими советскими республиками, важнейшей задачей становится противодействие распространению иностранного – еэсовского и американского – влияния. «Большая игра» привлекает и затягивает, а тем временем собственно российские интеграционные проекты – ОДКБ, ЕврАзЭС, ТС и Евразийский союз – воспринимаются неоднозначно, а экономическая и политическая эффективность их функционирования остается под вопросом. По мнению Д. Тренина, за последнее десятилетие Москве, претендующей на статус великой державы и гаранта региональной безопасности, не удалось решить ни одного замороженного конфликта на ближайшей периферии своих границ. Причина очевидна: нерешенность конфликтов долгое время использовалась как инструмент блокирования расширения НАТО. Д. Тренин считает, что критерием самостоятельности России как интеграционного центра является не столько готовность противостоять и противодействовать, сколько способность сформулировать собственную повестку дня и ее инициативно реализовать [23].

Подводя итоги интеграционных инициатив России в 2011 г., Ф. Лукьянов обращает внимание на то, что, несмотря на неопределенность некоторых деталей, создание зоны свободной торговли в рамках СНГ можно считать – впервые за очень долгий период – содержательной новостью. По мнению Ф. Лукьянова, в настоящий момент Россия несколько меняет свое отношение к принципам интеграции на постсоветском пространстве. Россия начала понимать, что для того, чтобы стать реальным интеграционным центром, необходимо идти на уступки менее сильным партнерам по примеру лидеров Европейского союза, особенно Германии. «Если только пытаться интегрировать, основываясь на своих интересах, ничего не получится. А в общем до сих пор так и было. И зона свободной торговли, которая в идеале открывает российский рынок для конкуренции и той же самой украинской продукции – это уступка. И уступка с расчетом на дальнейшую выгоду. И политически это, пожалуй, даже важнее, чем экономически» [11].

Пределы соперничества и перспективы взаимодействия России и Запада на постсоветском пространстве

Несмотря на порой тревожные высказывания представителей стран «общего соседства», с точки зрения Москвы, отношения между Россией и Западом носят конкурентный, но не антагонистический характер. Д. Тренин полагает, что Россия не стремится к мировому господству, а ее лидеры не мечтают о возрождении СССР. Поэтому интенсификация интеграционных стремлений в отношении постсоветских государств в Европе и более тесное сотрудничество с Россией не означает их обязательной и полной изоляции от западного мира. Руководители России намерены вернуть стране статус великой державы мирового значения, организованной по принципу суперкорпорации. Москва готова взаимодействовать с западными партнерами на основе общих интересов или, в случае необходимости, не соглашаться конкурировать с ними. По мнению Тренина, «основополагающий вопрос в отношениях между Россией и Западом в начале XXI в. – это условия сотрудничества» [26].

Для их определения необходимо принять во внимание, что Россия остается одним из важных геополитических игроков в Европе, который все еще считает себя великой державой и действует соответственно. Следует признать, что взгляд В.В. Путина и большей части российской элиты на мир отмечен ностальгией по «уважению» (или страху), с которым к России относились во времена «холодной войны», а также глубоким не-

доверием к Западу. С точки зрения В.В. Путина, американцы и европейцы намеренно использовали период слабости России в 1990-х годах, чтобы, нарушив договоренности, расширить НАТО, приблизив его к границам России, а затем спровоцировали антироссийские «цветные революции» в Грузии и на Украине [5].

Рассматривая исторический фон взаимодействия России и Запада в глубокой ретроспективе, следует отметить, что со времен распада европейской цивилизации на римскую и византийскую империи существует своего рода конкуренция между европейским Западом и Востоком. Сейчас это проявляется в отношениях России с Европейским союзом и НАТО. Д. Рогозин утверждает, что это противостояние противоположностей лишь подчеркивает их диалектическое единство: «Это два конца одной веревки, связывающей весь европейский континент» [21, с. 397].

На обозримую перспективу в Европе останутся два альтернативных пути интеграционной самоидентичности: Россия и Европейский союз. И наряду с ними «ряд государств, тяготеющих либо к одному, либо к другому из этих двух основных европейских центров притяжения» [31, с. 699]. Для сохранения общеевропейской стабильности и обеспечения экономического развития в условиях глобальной взаимозависимости необходимо тесное и прагматичное сотрудничество двух центров силы для гармоничного включения срединных стран в общеевропейские процессы. Альтернативой наращиванию сотрудничества может быть превращение стран Восточной Европы в очаг нестабильности и источник угроз для всего континента.

В условиях динамичного роста значения и влияния неевропейских игроков, дестабилизации сопредельных стран вдоль границ России и Европы, а также усиления ряда кризисных явлений внутри постсоветских государств сохранение позиции каждого из европейских государств в отдельности и континента в целом напрямую зависит от возможности эффективной и выгодной для всех кооперации.

Отрицание сложившейся взаимозависимости и попытка наращивания конкурентного характера и конфликтного потенциала политических структур вопреки логике развития системы международных отношений в Европе и естественным стремлениям людей не могут быть эффективными в экономическом и гуманитарном плане. Попытки идеологически мотивированного конкурирования за освоение ресурсов стран «общего соседства» вопреки объективным предпосылкам сотрудничества приносят контрпродуктивные результаты и чреватые ростом конфликтности отношений не только на международном уровне, но также внутри данных государств, что наглядно иллюстрирует нынешнее состояние дел в Беларуси, Украине и Молдове.

Соперничество России и ЕС за контроль над ресурсами постсоветских стран является примером игры с отрицательной суммой, в результате которой за счет Европы и России выигрывают внешние, неевропейские игроки, усиливающие свои позиции в данных странах. Соответственно, неэффективная попытка конкурирования за влияние вместо повышения дивидендов ведет к ухудшению отношений между двумя полюсами интеграции, к деградации самих постсоветских государств и постепенной дестабилизации системы международных отношений в Европе.

Литература

1. Богатуров А.Д., Аверков В.В. История международных отношений (1945–2008 гг.). М.: МГИМО – Университет, 2009.
2. Борко Ю.А., Буторина О.В. История развития Европейского союза // Европейская интеграция / под ред. О.В. Буториной. М.: Деловая литература, 2011.

3. Буторина О.В. Региональная интеграция: основные понятия // Европейская интеграция / под ред. О.В. Буториной. М.: Деловая литература, 2011.
4. Бураковский И.В. Экономическая интеграция и безопасность на постсоветском пространстве // Мечи и орала: Экономика национальной безопасности Беларуси и Украины / под ред. Р. Легволда, С. Уолландер. М.: Интердиалект +, 2004. С. 222–223.
5. В газетах врать не будут // Коммерсантъ. 2011. 3 октября. № 39 (943).
6. Вардомский Л.Б. Проблемы и перспективы регионального сотрудничества на постсоветском пространстве // Европейский союз и европейские страны СНГ / под ред. В. Грабовски, М. Наринского, А. Мальгина. М.: МГИМО (У) МИД РФ, 2002. С. 88.
7. Гудков А. Таможенный союз расширяется тематически. Евразийским он станет на договорной основе // Коммерсантъ. 2011. 20 октября. № 197.
8. Для России участие в этом объединении очень выгодно // Коммерсантъ FM. 2011. 4 октября.
9. Дугин А.Г. Основы геополитики: геополитическое будущее России М.: Артогея, 1997. С. 376.
10. Жильцов С.С. Геополитическая изоляция Украины. Киев остался на периферии геополитических проектов // Независимая газета. 2012. 18 января.
11. Зона свободной торговли – это уступка с расчетом на дальнейшую выгоду // Коммерсантъ FM. 2011. 19 октября.
12. Идея сама по себе благородная // Коммерсантъ FM. 2011. 4 октября.
13. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации Д.А. Медведевым 12 июля 2008 г. URL: <http://www.mid.ru> (дата обращения: 16.03.2012).
14. Копійка В.В. Розширення Європейського Союзу та Україна. Київ: Логос, 2008. С. 300.
15. Косачев К.И. За тремя зайцами? // Россия в глобальной политике. 2011. 14 февраля. URL: <http://www.globalaffairs.ru/> (дата обращения: 16.03.2011).
16. Легволд Р. Соединенные Штаты, Европейский союз, НАТО и экономические аспекты безопасности Украины и Беларуси // Мечи и орала: экономика национальной безопасности Беларуси и Украины / под ред. Р. Легволда, С. Уолландер. М.: Интердиалект+, 2004. С. 225.
17. Мальгин А.В. Политика ЕС в отношении европейских стран СНГ // Европейский союз и европейские страны СНГ / под ред. В. Грабовски, М. Наринского, А. Мальгина. М.: МГИМО (У) МИД РФ, 2002.
18. Мальгин А.В. Россия и Польша в новом мире // Белые пятна – черные пятна: сложные вопросы в российско-польских отношениях / под ред. А.В. Торкунова, А.Д. Ротфельда. М.: Аспект Пресс, 2010.
19. Назад, в будущее. Таможенный союз завершил развод стран СНГ // Независимая газета. 2011. 30 декабря.
20. Парфентьева И. Подписано соглашение о свободной торговле // Коммерсантъ-Online. 2011. 19 октября.
21. Рогозин Д.О. Ястребы мира: Дневник русского посла. М.: Альпина нон-фикшн, 2010.
22. Стрежнева М.В. Теории интеграции // Европейская интеграция / под ред. О.В. Буториной. М.: Деловая литература, 2011. С. 38.
23. Тренин Д.В. Внутренние проблемы внешней политики // Новая газета. 2009. 9 февраля.
24. Тренин Д.В. Москва мускулистая: одиночество отдельно взятого центра силы // Одиное плавание / под ред. Д.В. Тренина. М.: Московский центр Карнеги, 2009. С. 23.

25. Тренин Д.В. *Одиночное плавание* / под ред. Д.В. Тренина. М.: Московский центр Карнеги, 2009. С. 11.
26. Тренин Д.В. *Россия пересматривает свою роль в мире и свои отношения с Западом // Одиночное плавание* / под ред. Д.В. Тренина. М.: Московский центр Карнеги, 2009. С. 73.
27. Уилсон Э., Ронтоянни К. *Безопасность или процветание? Пути, которые выбирают Беларусь и Украина // Мечи и орала: экономика национальной безопасности Беларуси и Украины* / под ред. Р. Легволда, С. Уолландер. М.: Интердиалект+, 2004. С. 28.
28. Уолландер С.А. *Взаимосвязь экономики и безопасности во внешней политике России и их значение для Украины и Беларуси // Мечи и орала: экономика национальной безопасности Беларуси и Украины* / под ред. Р. Легволда, С. Уолландер. М.: Интердиалект+, 2004. С. 77–78.
29. Уолландер С., Легволд Р. *Экономика и безопасность на постсоветском пространстве // Мечи и орала: экономика национальной безопасности Беларуси и Украины* / под ред. С. Уолландер, Р. Легволда. М.: Интердиалект+, 2004. С. 17–18.
30. Хауккала Х. *Завтра уже наступило // Россия в глобальной политике. 2007. 27 октября.* URL: <http://www.globalaffairs.ru> (дата обращения: 16.03.2012).
31. Шмелев Н.П. *Россия в процессах интеграции и глобализации // Европейская интеграция* / под ред. О.В. Буториной. М.: Деловая литература, 2011.
32. Brzezinski Z. *A Geostategy for Eurasia // Foreign Affairs. 1997. Vol. 76. No. 5. P. 50–64.*